

International scientific conference

The collection includes:

*the 5th International Conference on Science and
Technology, 22-28 June 2015*

and

*the 5th International Conference on the political,
technological, economic and social processes, 23-29
July 2015*

*5th International Conference
on Science and Technology*

*5th International Conference
on the political, technological,
economic and
social processes*

Held by SCIEURO in London

5th International Conference on Science and Technology, 22-28 June 2015
5th International Conference on the political, technological, economic and social
processes, 23-29 July 2015

International scientific conference

The collection includes:

*the 5th International Conference on Science and
Technology, 22-28 June 2015*

and

*the 5th International Conference on the political,
technological, economic and social processes, 23-29
July 2015*

Held by SCIEURO in London

© SCIEURO

5th International Conference on Science and Technology, 22-28 June 2015
5th International Conference on the political, technological, economic and social processes, 23-29 July 2015

The collection includes:

- the 5th International Conference on Science and Technology, 22-28 June 2015;
- the 5th International Conference on the political, technological, economic and social processes, 23-29 July 2015.

Printed and Bound by Berforts Information Press Ltd, UK.
2015

© **SCIEURO**

Edited by Sukhadolets T.V.

ISBN 978-1-910693-42-1

All rights reserved. This work may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis. Use in connection with any form of information storage and retrieval, electronic adaptation, computer software, or by similar or dissimilar methodology now known or hereafter developed is forbidden.

The use in this publication of trade names, trademarks, service marks, and similar terms, even if they are not identified as such, is not to be taken as an expression of opinion as to whether or not they are subject to proprietary rights.

MODELING (PHILOSOPHICAL AND
METHODOLOGICAL EVALUATION).....162

SOCIAL PROCESSES.....169

Babintsev V.P., Sapryka V.A., Gajdukova G.N.,
Pastyuk A.V. MODELS OF THE RUSSIAN-
UKRAINIAN CROSSBORDER COOPERATION:
THE POSSIBILITY OF DESIGN IN UNSTABLE
SOCIAL-POLITICAL ENVIRONMENT169

PEDAGOGY183

Gribanova S.V., Smirnova O.V., Shevchenko I.A.
PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL-
PEDAGOGICAL BASES OF REALIZATION OF
CULTURAL-ECOLOGICAL APPROACH IN
MODERN EDUCATION183

SOCIAL PROCESSES

**Babintsev V.P., Sapryka V.A., Gajdukova G.N., Pastyuk
A.V.**

MODELS OF THE RUSSIAN- UKRAINIAN CROSSBORDER COOPERATION: THE POSSIBILITY OF DESIGN IN UNSTABLE SOCIAL- POLITICAL ENVIRONMENT

Babintsev V.P., doctor of philosophical Sciences,
Professor, head of chair of social technologies, Belgorod state
national research University

Sapryka V.A., candidate of sociological Sciences,
associate Professor of social technologies, Belgorod state national
research University,

Gajdukova G.N., candidate of sociological Sciences,
associate Professor of social technologies, Belgorod state national
research University

Pastyuk A.V., graduate of social technologies, Belgorod
state national research University

Abstract

The present study aims to find possibilities for designing of models of Russian and Ukrainian cross-border cooperation in the unstable sociopolitical environment. The paper studies the processes of development of cross-border regions; it defines the role of regions in international projects in the post-Soviet space. The authors determine the specificity of a cross-border region as an object of management. As a factor that determines the specificity of the cross-border chronotope during the initial period of the existence of border states, we take the factor of frontier. The paper offers a theoretical and empirical analysis of the existing and emerging cross-border cooperation models which vary significantly due to specificity of interaction between cross-border regions. The authors present the

results of a comprehensive sociological survey carried out in 2011-2014 in the form of a questionnaire survey (quota sampling), focus-groups, formalized interviews and expert surveys. The paper offers practical recommendations for introduction of cross-border cooperation models and proves that the identification of the given models is possible through the analysis of specific features of the economic state in the border-zone.

Keywords: border region, socio-political environment, cross-border cooperation, a model regional sociology, Russia, Ukraine.

Интеграционные процессы на региональном уровне в настоящее время приобретает все большую актуальность в свете новых геополитических проектов России. В то же время нарастают социально-политические противоречия между странами на постсоветском пространстве, которые отрицательно влияют на перспективы реинтеграции приграничных территорий, в частности, регионов России и Украины.

Постсоветское пространство, в отличие от остальной Европы, нуждается в корректировке региональной политики с перераспределением излишне централизованных властных полномочий. В условиях процессов глобализации и регионализации усиливается межрегиональная конкуренция регионов, которые стремятся найти эффективные инструменты управления, обеспечивающие им конкурентоспособность на национальном и мировом рынках, с другой стороны, актуализируется необходимость снижения агрессии и возможности построения социального диалога. Европейский опыт развития международной активности территориальных сообществ имеет давнюю традицию, после второй мировой войны национальные правительства Европы стали поощрять развитие побратимских связей между приграничными коммунами и регионами для примирения и взаимопонимания соседствующих народов, которые сражались друг против друга [1]. На этой долгосрочной основе выстраивалась стратегия межгосударственного и межрегионального развития, которая, в целом, оказалась успешной.

Как показывает мировая практика, именно приграничное сотрудничество, возможность которого логически вытекает из специфики экономико-географического положения, может стать необходимым для приграничной территории внутренним источником развития, одним из наиболее значимых конкурентных ресурсов. Это тем более существенно, что в настоящее время для большинства приграничных регионов

размещение вдоль государственной границы России и в удалении от федерального Центра сопряжено с худшими условиями социально-экономического развития (более 70,00 % приграничных субъектов РФ относятся к депрессивным) [2]. Следовательно, по меньшей мере, в настоящее время приграничный статус является не потенциальным преимуществом, но, скорее, негативным фактором.

Понятие «приграничный регион» не часто является объектом социологии, как многоаспектной и многофункциональной социально-экономической системой. На наш взгляд, определение О.М. Барбакова, которое характеризует регион как целостную, пространственно-организационную форму жизнедеятельности социума как системы, имеющей единую структуру, включающую в себя физико-географическую, экономическую, политико-административную, этническую, социокультурную, правовую, политическую подструктуры, соответствующие подструктурам социальные институты, при определяющей роли институтов управления в организации жизни региона [3], отвечает пониманию приграничного региона и наиболее полно отражает данное понятие.

Приграничный регион, как объект управления, имеет свои особенности, связанные с контактной и барьерной функциями границы. Между тем, в настоящее время, практически отсутствуют работы, выявляющие специфику управления приграничным сотрудничеством, что заметно снижает не только качество и эффективность интеграционных проектов, но и существенно сокращает возможности для развития приграничных регионов.

Однако сегодня крайне необходимо дать глубокий теоретический и эмпирический анализ действующих и возникающих моделей приграничного сотрудничества, которые имеют существенные различия, отражающие специфику взаимодействия приграничных регионов. Приграничное сотрудничество довольно сильно различается от страны к стране и на разных участках межгосударственной границы, отражая влияние разнообразных факторов. Выделяют несколько моделей приграничного сотрудничества.

В основе традиционной модели сотрудничества лежит существенная разница цен на товары и услуги по обе стороны границы, а экономический эффект связан с расширением рынка сбыта для одной стороны и получением более дешевых товаров и услуг для другой стороны. Однако эффективность этой модели сильно зависит от правил пограничного, миграционного

и таможенного контроля, тарифных ограничений, налогообложения экспортируемых и импортируемых товаров или, иными словами, от уровня либерализованности трансграничного движения.

Преференциальная модель предполагает предоставление преференций приграничным регионам, как на двусторонней, так и на односторонней основе.

Партнерская или институциональная модель приграничного сотрудничества базируется на договорных отношениях, совместных проектах и программах, а также специально создаваемых организациях. Эффективность этой модели зависит от уровня децентрализации власти и государственных финансов, развития гражданского общества сотрудничающих стран.

Российский экономист Н.М. Межевич, в свою очередь, выделяет несколько вариантов взаимодействия:

– отчужденные приграничные регионы: приграничные связи отсутствуют в силу военных действий, политических ситуаций, значительных националистических тенденций, идеологической или религиозной вражды, культурных различий или этнического соперничества;

– сосуществующие приграничные регионы: характерна некоторая степень экономического и культурного взаимодействия;

– взаимозависимые приграничные регионы: полное взаимодействие в экономической, общественной и культурной сферах, насколько это возможно в условиях все еще действующей границы;

– интегрированные приграничные регионы: высшая степень интеграции, свободное движение людей, товаров, денежных потоков и идей [4].

Последний вариант представляется наиболее перспективным. Возможности его реализации потенциально заложены в модели «еврорегионов». Они представляют собой форму приграничного сотрудничества и позволяют использовать уже наработанный опыт трансграничного взаимодействия и сделать попытку объединить интеллектуальные ресурсы соседей для оптимального сочетания их конкурентных преимуществ. Основные международно-правовые документы и нормативные акты Российской Федерации о приграничном сотрудничестве не содержат определения еврорегиона. Это понятие не только правовое, но также политическое и социально-экономическое. Без сомнения, определяющим признаком еврорегиона является не только

территориальный фактор, включающий приграничные территории двух или более государств. Сотрудничество в рамках еврорегиона развивается путем реализации конкретных общих проектов, в которых одинаково заинтересованы все смежные страны и их пограничные территории [5].

В.А. Дергачев определяет еврорегионы как приграничные сообщества международного трансграничного сотрудничества европейских стран в области экономики, культуры, образования, транспорта, экологии и др., создаваемые на основе принципов субсидиарности. Функционирование еврорегионов осуществляется на основе перераспределения власти между центральным правительством и приграничными сообществами, наделенными полномочиями самостоятельно регулировать свою деятельность и заключать межрегиональные трансграничные соглашения в соответствии с государственным законодательством [6]. Таким образом, еврорегион – это своеобразный проект, в рамках которого реализуются международные инициативы [7]. В настоящее время на границе Российской Федерации и Украины созданы и функционируют четыре еврорегиона – еврорегионы «Днепр» и «Слобожанщина» (2003 год), еврорегион «Ярославна» (2007 год), еврорегион «Донбасс» (2010 год).

Согласно ключевым международным критериям, еврорегион может быть:

- ассоциацией местных и региональных органов власти, расположенных по обе стороны государственной границы;
- приграничной ассоциацией с постоянным секретариатом, а также технической и административной командой, имеющей собственные ресурсы;
- структурой частного характера, основанной на некоммерческих ассоциациях или организациях, действующих по обе стороны государственной границы в соответствии с национальным законодательством;
- общественной структурой, основанной на межгосударственных соглашениях, предусматривающих, помимо прочего, участие территориальных органов власти [7].

Анализ управления развитием приграничных территорий целесообразно осуществлять, используя категорию социального хронотопа. Она составляет основу теоретической конструкции, позволяющей анализировать реальность в виде пространственно-временного единства прошлого, настоящего и будущего постсоветских государств, которое представляет

собой специфический сплав традиций, новых явлений, определяющих актуальный контент и перспективы развития.

Опираясь на концепцию еврорегиона, нами было проведено социологическое исследование, целью которого являлась комплексная оценка эффективности проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества на региональном уровне, а также выявление приоритетных направлений межрегионального приграничного сотрудничества. Основным методом сбора первичной социологической информации являлся анкетный опрос жителей Белгородской области (Российская Федерация) и Харьковской области (Украина), который был проведен в 2011, 2012, 2013 годах (N=500). Для решения задач исследования была выбрана квотная выборка, позволяющая построить модель генеральной совокупности – населения еврорегиона «Слобожанщина». Также в исследовании представлены социологические данные экспертных опросов, фокус-групп и формализованных интервью, которые были проведены научно-образовательным центром «Межрегионального приграничного сотрудничества» НИУ «БелГУ» с 2011 года по 2014 год.

В ходе исследования мы исходили из того, что наиболее существенным фактором, определяющим специфику приграничного хронотопа, по меньшей мере в первое время существования приграничных государств, является фактор границы. Поэтому в исследовании 2011 года (N=500, еврорегион «Слобожанщина»), актуальной являлась оценка влияния появления государственной границы между Украиной и Россией на жителей приграничных областей.

В ходе опроса большинство респондентов отметили, что появление государственной границы между Россией и Украиной оказало на них влияние (75,00%). Только для 22,00% респондентов эта проблема оказалась несущественной. В 2014 году ситуация существенно изменилась: граница из неприятного, но преодолимого барьера, превратилась в реальную преграду между двумя государствами, следовательно, влияние данного фактора намного усилилось.

В исследовании 2012 года была проанализирована идентичность населения приграничных областей – Харьковской и Белгородской (N=500, еврорегион «Слобожанщина»). Одним из критериев оценки стало ощущение респондентов принадлежности их места проживания к приграничному региону. Территориальная идентичность – это переживаемое и (или) осознаваемое чувство территориальной принадлежности человека, определенная субъективная социально-

географическая реальность [8]. Региональную идентичность традиционно относят к одному из уровней территориальной идентичности. Так Т.Н. Кувенева и А.Г. Манаков отмечают, что в условиях ослабления или кризиса национальной идентичности региональная идентичность может составить ей конкуренцию, и, получив политический оттенок, поставить под угрозу единство страны [9]. Нестабильная социально-политическая среда в Украине и ее влияние на приграничные регионы однозначно дает возможность отметить кризис идентичностей на украинских территориях.

Воспринимая «фактор границы» как существенный, большинство респондентов (55,10%) постоянно ощущают «приграничность» территории своего проживания. Однако для 42,30% респондентов эта особенность несущественна. Если рассматривать возрастные группы опрошенных, то не замечают «приграничность» люди более старшего возраста, чья юность и зрелость прошла во время СССР; молодое поколение (до 35 лет) уже воспринимают границу и «приграничность» территории как свершившийся факт. В данной связи возникает проблема, которая имеет по своей сути глобальный характер для России и Украины – это проблема формирования на территории приграничья новых культурно-цивилизационных идентичностей. Однако сегодня проблема новых идентичностей пока отодвигается на второй план по сравнению с повседневными проблемами социально-экономического характера. Исследования, проведенные в Ростовской области, показывают что приграничное взаимодействие воспринимается населением преимущественно через призму социально-экономических проблем. В частности, 46,50% опрошенных жителей Ростовской области отметили, что приграничное сотрудничество с Украиной является для них жизненно важным обстоятельством. 50,80% указали, что оно положительно влияет на социальное развитие и активность населения в бизнесе, а 81,00% считают, что население приграничных территорий в целом заинтересовано в сохранении высокой прозрачности границ и развитии приграничных коммуникаций [10]. Показательно, что большинство опрошенных жителей Белгородской и Харьковской областей (62,40%) отмечают: положение приграничного региона влияет на качество жизни населения (Таблица 1).

При этом статус «приграничный регион» рассматривается респондентами как обстоятельство, предоставляющее гражданам некие преимущества по сравнению с жителями иных территорий. И показательно, что

по данным опроса всего 12,00% жителей Белгородской и Харьковской областей хотели бы переехать из приграничного в «обычный» регион на постоянное место жительства (Таблица 2).

Таблица 1
Влияет ли положение приграничного региона на качество жизни населения?

Варианты ответа	Количество	
	абс.	%
Да	312	62.40
Нет	118	23.60
Затрудняюсь ответить	69	13.80
Нет данных	1	0.20
Всего	500	100.00

Таблица 2
Хотели бы Вы переехать из приграничного в «обычный» регион на постоянное место жительства?

Варианты ответа	Количество	
	абс.	%
Да	60	12.00
Нет	414	82.80
Затрудняюсь ответить	23	4.60
Нет данных	3	0.60
Всего	500	100.00

Абсолютное большинство респондентов – 82,80% – не желали менять место жительства. Вполне естественно, что в 2014 году ситуация изменилась. Эскалация конфликтов на Украине, в частности, заставляет возвращаться жителей Белгородской области, которые в советские времена после обучения остались на территории Харьковской области, но миграционные процессы происходят в рамках двух приграничных регионов.

С целью выявления ключевых тенденций формирования и развития культурно-цивилизационных идентичностей, доминирующих факторов и условий, влияющих на данный процесс, в 2014 году был реализован экспертный опрос (42 человека).

В качестве экспертов выступили жители приграничных регионов России (22 человека) и Украины (20 человек), имеющие опыт приграничного сотрудничества или публикации по данной теме. Сравнение ответов экспертов на основе

подсчета индексов общности культурной и цивилизационной идентичностей позволяет утверждать, что российскому социуму больше, чем украинскому, свойственно представление о культурно-цивилизационном единстве обеих стран. Так, индекс культурного единства в оценках российских респондентов равен 87,17%, что на 29,67% больше украинского, составляющего 57,5%. Значения индекса цивилизационного единства, исходя из оценок россиян, составляет 81,78%, украинцев – 60,00%.

Существенная разница в оценках экспертов разных стран указывает на то, что российская идентичность по-прежнему включает в себя мощный имперский компонент, ориентированный на взаимодействие России и Украины. В то же время, более низкие значения ответов украинской стороны относительно степени культурно-цивилизационного единства с Россией маркируют ориентацию Украины на культурно-цивилизационное отделение от нее, разотождествление с прежней, общей и формирование новой самобытной, аутентичной культурно-цивилизационной идентичности.

При сравнении ответов экспертов обеих стран обращает на себя внимание их единодушие в том, что наиболее важными проявлениями формирования иных культурно-цивилизационных идентичностей являются новые трактовки истории и определение новых друзей и врагов. Выраженность большинства других признаков изменений они выстраивают также в основном в аналогичные друг другу иерархии. Но по некоторым существенным признакам мнения экспертов в оценках их выраженности расходятся.

Так, украинские эксперты к достаточно значимым проявлениям иной культурно-цивилизационной идентичности относят утверждение новых символов (рис. 1).

В иерархии проявлений иных культурно-цивилизационных идентичностей эта характеристика у них занимает третье место (30,00%), а у российских – пятое (22,73%). Российские эксперты делают акцент на появлении новых идеологий, выводя соответствующий вариант ответа на третье место со значением 36,36% против 20,00% у украинских, которые отводят ей пятое место. Эти различия, наряду с другими, позволяют говорить о становлении новой идентичности в украинском обществе. Она проявляется в несколько большем акценте украинских экспертов на внешних атрибутах, например, таких как утверждение новых символов (30,00% против 22,73% среди российских экспертов).

Позиции российских и украинских экспертов относительно факторов, влияющих на формирование

культурно-цивилизационной идентичности в приграничных регионах России, существенно разнятся. Российские эксперты в большей мере, чем украинские, признают первостепенное влияние на формирование культурно-цивилизационной идентичности взаимодействия между приграничными территориями России и Украины. Так, в качестве наиболее важного фактора, влияющего в наше время на формирование культурно-цивилизационной идентичности в приграничных регионах России, российские эксперты называют межрегиональные связи, о чем говорят 45,45% опрошенных из их числа против 25,00% украинских экспертов. Российские эксперты более высоко оценивают и значение близости государственной границы (31,82% против 25,00% ответов украинских экспертов), миграции (22,73% против 5,00%).

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если Вы согласны, что в последние два десятилетия в России и Украине формируются новые культурно-цивилизационные идентичности, то в чем это проявляется в первую очередь?», %

В отношении украинских приграничных регионов, как и украинские эксперты, российские уделяют большое значение близости государственной границы (31,82% российских против 30,00% украинских экспертов), но делают больший, чем украинские эксперты, акцент на межрегиональные связи (31,82% против 20,00% соответственно) и миграцию (22,73% против 0% среди украинских экспертов), хотя определяющим фактором считают экономическую ситуацию (45,45% против 30,00% украинских экспертов).

Украинские же эксперты, оценивая факторы, влияющие на формирование культурно-цивилизационной идентичности в российских приграничных регионах, выводят на первое место

роль центральных властей (35,00% против 13,64%, считающих таким же образом российских), а в украинских – политическую ситуацию (50% против 40,91% соответственно)..

Таким образом, оценки факторов формирования культурно-цивилизационной идентичности в приграничных украинских регионах имеют более политизированный оттенок и обусловлены, в первую очередь, политикой властей, тогда как в российских изменение идентичности в большей мере – результат естественной и взаимовыгодной социальной и межличностной интеракции (миграция, межрегиональные связи, взаимодействие между регионами), обусловленной близостью границ. При этом процессы формирования культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине существенно отличаются динамикой и вектором изменений. В российских приграничных регионах речь идет, скорее, о некоторой модификации идентичности, а в Украине – о радикальных изменениях в ходе ее формирования на основе противопоставления позиций государств и народов друг другу. Очевидна и другая особенность: культурно-цивилизационная идентичность российских регионов в определенной мере включает в себя приграничные регионы Украины, в то время как, в соседствующих с Россией регионах Украины она тяготеет к дифференциации от России, при одновременно, по-прежнему, высокой ориентации на нее. Культурно-цивилизационная идентичность российских регионов имеет более устоявшиеся черты, тогда как в Украине она характеризуется диффузностью, нестабильностью, мозаичностью.

В настоящий момент отношения России и Украины находятся в точке бифуркации и возможность формирования комплементарных культурно-цивилизационных идентичностей, обуславливающих конструктивное взаимодействие и сотрудничество между населением приграничных регионов обеих стран, зависит от действия властей. Но подавляющее большинство экспертов (66,67%) не знают примеров решений и действий российских и украинских властей в приграничных регионах, направленных на формирование культурно-цивилизационных идентичностей. А те, кто высказал осведомленность об их наличии, в качестве примеров смогли назвать лишь создание еврорегиона «Слобожанщина», а также экономические и научно-образовательные проекты сотрудничества Харьковской и Белгородской областей (4,76%).

В связи с актуализацией проблем совершенствования стратегических разработок в области оптимизации межтерриториального сотрудничества, позволяющих в

перспективе позиционировать конкурентные преимущества приграничного региона на внешних и внутренних рынках – увеличивается и необходимость идентификации каждой из представленных моделей приграничного сотрудничества. В частности, Е.Г. Черняк предлагает использовать процесс построения матрицы идентификации реализуемой модели межтерриториального взаимодействия региона по количественной характеристике специфических особенностей его экономического состояния в условиях приграничья.

Исходя из того что одной из главных особенностей состояния приграничных регионов выступает соответствующий уровень активности приграничного сотрудничества, можно определить необходимость выявления реализуемых в этой связи интеграционных схем, обуславливающих развитие экономического пространства. Постановка данной задачи требует проведения исследований в таких направлениях, как: теоретический анализ классификации моделей сотрудничества зарубежных и отечественных исследователей; выявление специфики экономического состояния региона в условиях приграничья; идентификация типа межтерриториального экономического сотрудничества региона по количественной характеристике специфических свойств его экономики в условиях приграничья [11].

Важным результатом проектирования моделей взаимодействия приграничных регионов можно считать возможность отождествления реализуемого его типа с наличием в этих моделях определенного набора специфических особенностей экономического состояния в условиях приграничья: баланса межтерриториального взаимодействия; взаимосвязи приграничного сотрудничества и степени трансформации региональной структуры; уровня институционально-правовых отношений экономического сотрудничества. С методологической точки зрения это означает, что такого рода идентификация может являться одной из базовых составляющих анализа экономического состояния приграничного региона, его позиционирования в экономическом пространстве в системе стратегического планирования.

References

- [1] Logashenko J.A., Gajdukova G.N. Integracija postsovetskogo prostranstv: problemy i perspektivy //